

ДИАНА ФУРСОВА

РАЗВОЛ
с Альбой
— ТРАКТИР ДЛЯ —
БРОШЕННЫХ ВОЛЧАТ

Диана Фурсова

**Развод с Альфой. Трактир
для брошенных волчат**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Развод с Альфой. Трактир для брошенных волчат / Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Ещё утром Сайвера Элрон была женой Альфы и Луной Северной стаи. А вечером муж публично расторг их брак, поверив документам, обвинявшим её в предательстве. Сайвера не стала просить, оправдываться или принимать щедрые отступные. Вместо денег и дома она забрала единственное, что хотела получить после развода, — брошенный трактир «Старый Порог». Разбитые окна, дырявая крыша, почти пустой кошелек и двенадцать комнат, в которые давно никто не заглядывал. Сайвера собиралась просто начать жизнь заново. Но в первую же ночь в трактире появилась тринадцатая дверь. За ней стоял девятилетний волчонок, которого собственный род официально объявил... несуществующим. Потом пришли другие дети. И очень скоро Сайвера поняла: «Старый Порог» открывает двери не случайным сиротам. Он собирает тех, чьи имена кто-то намеренно стирает из родовых книг. А расследовать это ей придётся вместе с мужчиной, который однажды уже предпочёл бумагу её словам. Теперь Торвейну мало доказать, что Сайвера была невиновна. Если он хочет вернуть хотя бы её доверие, ему придётся научиться сначала слушать — и только потом решать.

Содержание

Глава 1. Развод с Альфой	5
Глава 2. Тринадцатая дверь	26
Глава 3. Право Порога	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1. Развод с Альфой

— С этой минуты наш брак расторгнут.

Торвейн произнёс это так же, как объявлял о закрытии перевала перед снежной бурей или назначал нового начальника пограничной заставы. Спокойно, низким голосом, не повышая его и не оставляя слушателям ни малейшего повода усомниться, что решение уже принято.

Только на этот раз он говорил не с десятниками.

Он говорил с женой.

Сайвера стояла посреди Зала Стаи под взглядами нескольких десятков человек и вдруг подумала, что семь лет брака закончились удивительно быстро. Для этого не понадобилось ни долгого разговора, ни последней ночи, ни хотя бы закрытой двери между двумя людьми, которые когда-то обещали прожить рядом до седины.

Понадобилась одна фраза.

На длинном дубовом столе между ней и Торвейном лежала раскрытая дорожная книга. Старый кожаный переплёт был знаком Сайвере до каждой царапины. Такие книги она проверяла почти ежедневно: в них записывали движение торговых обозов, состояние застав, временные объезды и тропы, которыми можно было пользоваться во время разлива рек.

Рядом лежали три листа.

На последнем стояла её подпись.

Именно поэтому половина сидевших в зале смотрела на неё с плохо скрываемым любопытством, а другая половина старалась вообще не встречаться с ней взглядом.

Сайвере было трудно сказать, что унижало сильнее.

— Согласно записям, сведения о северном объезде были переданы людям Восточной стаи за два дня до того, как их обоз прошёл через закрытую территорию, — продолжил хранитель родовых реестров Даймор Керв.

Он сидел справа от Торвейна, аккуратный, прямой, с неизменной серебряной цепью на тёмном воротнике. За годы Сайвера привыкла видеть его почти на каждом официальном собрании. Даймор редко говорил первым, зато всегда оказывался рядом, когда требовались документы, свидетельства или печати.

Сегодня перед ним лежало особенно много бумаг.

— Доступ к сведениям имели четверо, — добавил он. — Трое дали возможность проверить личные записи и подтвердили своё местонахождение. Четвёртой была Луна.

Не Сайвера.

Луна.

Будто имя уже стало лишним.

По залу прокатился едва заметный шорох. Кто-то переменял положение на скамье, где-то стукнул каблук, женщина у дальней стены слишком поспешно прикрыла рот ладонью.

Сайвера смотрела только на Торвейна.

Он стоял у высокого кресла Альфы, положив ладонь на спинку. Широкие плечи были напряжены, хотя со стороны этого почти никто бы не заметил. Тёмные волосы он, как обычно перед советом, собрал у затылка. На правом запястье виднелся широкий серебряный обруч с изображением бегущего волка — знак главы Северной стаи.

За семь лет Сайвера научилась замечать у мужа то, чего не замечали другие.

Когда Торвейн был по-настоящему спокоен, его пальцы не двигались.

Сейчас большой палец медленно тёр край деревянной спинки.

Значит, ему было не всё равно.

От этого почему-то стало хуже.

Если бы он ненавидел её, всё оказалось бы проще. Ненависти можно было противопоставить собственную. Если бы он кричал, обвинял, бросал бумаги ей под ноги, Сайвера могла бы разозлиться.

Но Торвейн держался так, словно совершал неприятную обязанность.

Словно разводился не с женщиной, с которой семь лет делил дом, а исправлял ошибку в ведомости.

— Я хочу увидеть оригинал, — сказала Сайвера.

Даймор чуть приподнял брови.

— Он перед вами.

— Нет. Передо мной копия дорожной страницы и письмо, которое якобы написала я. Я хочу увидеть книгу, из которой снята эта страница, и журнал выдачи печатей.

На несколько мгновений стало тихо.

Сайвера почти слышала привычное: слишком резко, госпожа Луна. Не сейчас, госпожа Луна. Совет уже разобрался, госпожа Луна.

За последние годы ей часто советовали быть мягче.

Удивительно, как легко окружающие путали мягкость с удобством.

Даймор сложил руки.

— Книга находится в архиве. Мы сочли неразумным приносить сюда весь том.

— Тогда собрание следовало проводить в архиве.

Кто-то на дальней скамье тихо кашлянул, скрывая смехок.

Даймор посмотрел на Торвейна.

Сайвера тоже.

Вот оно.

Не бумаги, не подпись и даже не обвинение.

Всё решалось сейчас.

Торвейн мог приказать принести книгу. Это заняло бы четверть часа. Он мог перенести собрание. Мог потребовать ещё одну проверку. Мог хотя бы спросить её, где она была в тот день.

Вместо этого муж медленно выпрямился.

— Подлинность подписи проверили трое свидетелей.

— Я не спрашивала про свидетелей.

— Сайвера.

Он редко называл её по имени во время официальных заседаний. Раньше от этого у неё возникало странное ощущение близости, будто среди всех этих людей он на мгновение напоминал: я помню, кто ты для меня.

Сегодня в его голосе прозвучало предупреждение.

Она не послушалась.

Пожалуй, впервые за семь лет ей было совершенно безразлично, понравится ли Альфе её поведение перед Советом.

Сайвера подошла к столу и развернула письмо так, чтобы подпись оказалась ближе.

Она хорошо знала собственный почерк. Даже слишком хорошо. Последние восемь лет через её руки проходили счета, соглашения, разрешения и накладные. Эта подпись была почти безупречной.

Почти.

Завиток у буквы «Э» уходил ниже обычного. Незначительная мелочь, на которую никто не обратил бы внимания.

Кроме неё.

Сайвера никогда не выводила этот завиток вниз после двадцать третьего дня зимнего месяца три года назад.

В тот день чернила растеклись на брачном договоре с купцами из Рейнгорда, и Торвейн два часа смеялся, что её подпись похожа на хвост испуганной кошки. После этого она изменила росчерк.

Письмо было датировано прошлой неделей.

Она подняла глаза.

— Это написала не я.

По залу прошёл новый шёпот.

Даймор даже не повернул головы.

— Подпись признана подлинной.

— Я только что сказала, что она не моя.

— Разумеется, обвиняемый имеет право не соглашаться с обвинением.

Обвиняемый.

Не жена Альфы. Не Луна. Даже не Сайвера Элрон.

Сайвера увидела, как у левой стены пожилая представительница рода Мерваль опустила глаза.

Вчера эта женщина прислала в их дом корзину яблок и записку с благодарностью за помощь её племяннице.

Сегодня она боялась даже посмотреть на Сайверу.

Вот как быстро меняются люди, когда рядом появляется возможность оказаться на месте обвиняемого.

— А что говорит Восточная стая? — спросила Сайвера.

— Они отрицают получение сведений от официальных представителей Северной, — ответил Даймор.

— То есть подтверждения передачи нет.

— Есть результат передачи.

— Это не одно и то же.

— Их обоз воспользовался закрытым объездом.

— Дорога существует сорок лет. О ней знают лесорубы, пограничники, старые торговцы и половина деревень на северном склоне. Если кто-то прошёл по дороге, это ещё не значит, что карту дала я.

Теперь Даймор впервые слегка нахмурился.

— Подобные рассуждения уместно было представить до заседания.

— Меня вызвали сюда час назад и впервые показали письмо десять минут назад.

На этот раз шёпот стал громче.

Сайвера почувствовала почти физически, как зал изменился.

Не поверил ей никто.

Но некоторым стало неудобно.

Пусть.

Удобство сегодня вообще оказалось слишком дорогой вещью.

Она снова посмотрела на Торвейна.

— Ты знал?

— Что именно?

— Что меня вызовут без предупреждения.

Едва заметная пауза дала ответ раньше слов.

— Я распорядился, чтобы расследование не обсуждалось до собрания.

— Даже со мной.

— Особенно с тобой.

Сайвера медленно кивнула.

Внутри что-то наконец перестало метаться.

До этого момента ещё оставалась крошечная, почти унижительная надежда, что произошло недоразумение. Что Торвейн просто не видел какого-то документа. Что он вынужден разыгрывать официальность перед Советом, но после заседания они закроют дверь кабинета и разберутся.

Надежда исчезла.

Стало гораздо легче дышать.

— Хорошо, — произнесла она.

Торвейн нахмурился.

Наверное, ожидал другого.

Слёз? Объяснений? Попытки напомнить о семи годах вместе?

У неё действительно было что ему напомнить.

Как он однажды приехал за ней ночью через половину округа, потому что услышал, что мост размыло и её экипаж задержался на другом берегу.

Как она три зимы подряд спала по четыре часа, потому что Торвейн перестраивал заставы, а кому-то требовалось вести расчёты.

Как во время первой годовщины их брака они сбежали с торжественного ужина на конюшню, прихватив пирог, потому что оба ненавидели речи советников.

Как два года назад он засыпал, положив голову ей на колени, пока она читала отчёты, и потом отрицал, что храпел.

Сайвера помнила всё.

Наверное, поэтому и не стала ничего напоминать.

Если семи лет оказалось недостаточно, ещё пять минут ничего не изменят.

Она обошла стол.

Люди расступились перед ней так быстро, словно боялись случайно оказаться слишком близко.

Торвейн следил за каждым её шагом.

Сайвера остановилась напротив мужа.

Так близко, что видела тонкую светлую полоску возле его подбородка — след от старой схватки, которую он получил ещё до их знакомства.

— Я задам тебе один вопрос.

Его взгляд стал тяжелее.

— Задавай.

— Не как Альфе.

На скулах Торвейна обозначилось напряжение.

— Сайвера...

— Один вопрос. И я больше ничего от тебя не потребую.

Даймор пошевелился, собираясь вмешаться, но Торвейн поднял ладонь.

Хранитель замолчал.

Сайвера подумала, что это даже забавно. Одного движения его руки хватало, чтобы остановить целый зал.

Остановить собственную ошибку ему почему-то оказалось сложнее.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Ты действительно веришь, что это сделала я?

Теперь Торвейн молчал дольше.

Сайвера видела, как он выбирает ответ.

Наверное, правильный.

Наверное, тот, который должен произнести Альфа перед Советом, чтобы никто не усомнился в его беспристрастности.

Сайвера уже знала: если муж сейчас скажет хотя бы «я не уверен», она потребует принести оригиналы. Останется. Будет спорить. Найдёт ошибку, человека, подделавшего подпись, цепочку, по которой письмо оказалось среди доказательств.

Она умела разбираться в бумагах.

И в людях, как ей до сегодняшнего утра казалось, тоже.

Торвейн наконец ответил:

— Я верю тому, что могу доказать.

Сайвера смотрела на него несколько секунд.

А потом улыбнулась.

Не потому, что ей было весело.

Просто неожиданно поняла, насколько всё стало просто.

— Тогда больше мне сказать нечего.

Она подняла руку к шее.

Знак Луны висел на тонкой серебряной цепи семь лет. Небольшой круг из светлого металла с двумя пересекающимися полумесяцами казался почти невесомым, но Сайвера вдруг заметила, как сильно привыкла к его тяжести.

Когда-то Торвейн сам застегнул эту цепочку у неё на шее.

Она помнила тепло его пальцев.

Сегодня расстегнула замок сама.

На мгновение металл зацепился за ворот платья. Сайвера спокойно высвободила цепь, свернула её на ладони и положила перед мужем.

Звук получился совсем тихим.

Тем не менее его услышал весь зал.

Торвейн посмотрел на знак.

Впервые за всё заседание его уверенность дала трещину.

— Решение о снятии статуса Луны ещё не принято.

— Зато решение о расторжении нашего брака, как ты сообщил минуту назад, принято.

— До завершения формальной процедуры...

— Неужели ты предлагаешь мне ещё немного поносить твой знак из уважения к формальностям?

Даймор резко вдохнул.

Кто-то вновь зашептался.

Торвейн не отводил взгляда.

— Я не хотел устраивать из этого представление.

— Тогда надо было не собирать зрителей.

Это было жестоко.

Сайвера поняла по тому, как дёрнулся уголок его рта.

Но сожаления не почувствовала.

Он мог поговорить с ней вчера.

Позавчера.

Сегодня утром.

Мог вызвать в кабинет до Совета и сказать: «Есть документы, которые указывают на тебя. Помоги мне разобраться».

Вместо этого Торвейн выбрал зал.

Она просто приняла выбранные им правила.

— Согласно брачному соглашению, — вмешался Даймор, очевидно решив вернуть разговор к безопасным бумагам, — госпоже Элрон полагается содержание сроком на пять лет, дом в западной части города и выплата в размере сорока тысяч серебряных крон. При доказан-

ном предательстве часть имущества может быть удержана, однако Альфа Торвейн отказался предъявлять имущественные требования.

Сайвера перевела на мужа взгляд.

Вот, значит, как.

Даже благородство предусмотрено.

Отнять доверие, имя и дом, но оставить деньги, чтобы бывшая жена не могла пожаловаться на скупость.

— Мне не нужны сорок тысяч.

Даймор моргнул.

— Простите?

— И дом тоже не нужен.

Торвейн нахмурился сильнее.

— Не говори глупостей.

Сайвера повернулась к нему.

— Ты уже развёлся со мной, но всё ещё считаешь, что можешь указывать, какие мои решения глупые?

— Речь о твоём будущем.

— Моё будущее перестало быть твоей заботой несколько минут назад.

Он открыл рот и закрыл.

Это доставило Сайвере неожиданно мало удовлетворения.

Она прошла к краю стола, где лежал брачный договор. Даймор заботливо приготовил даже его.

Конечно.

Всё было готово заранее.

Сайвера перелистнула несколько страниц.

Она прекрасно помнила условия, потому что сама настояла на их изменении перед свадьбой. Тогда старый советник Торвейна возмущался, что будущая Луна слишком внимательно читает договор.

Сайвера отыскала нужную строку.

— Здесь указано, что вместо денежной выплаты я имею право выбрать имущество из перечня не востребовавшихся владений семьи Ардаль на сопоставимую или меньшую стоимость.

Даймор подался вперёд.

— Формально да, но...

— Значит, я выбираю имущество.

Торвейн смотрел на неё настороженно.

Он знал этот тон.

Сайвера пользовалась им, когда уже решила, что именно будет делать, а дальнейший разговор считала пустой тратой времени.

— Какое?

Она закрыла договор.

— «Старый Порог».

Тишина продержалась примерно секунду.

Потом кто-то засмеялся.

Смех быстро оборвался, но его подхватил другой голос. С дальнего края стола донеслось приглушённое покашливание, женщина у колонны отвернулась.

Сайвера не посмотрела ни на одного из них.

Торвейн не смеялся.

— Нет.

— Ты спросил, какое имущество я выбираю.

— Я знаю, что спросил. «Старый Порог» непригоден для жилья.

— Тогда его стоимость наверняка не превышает сорока тысяч.

— Дело не в стоимости.

— А в чём?

Торвейн провёл ладонью по лицу.

Этот жест она тоже хорошо знала.

Так он делал, когда считал собеседника невыносимо упрямым.

— Трактир закрыт больше тридцати лет. Часть кровли сгнила, северная стена повреждена, дорога почти заброшена. Там даже постоянного зрителя нет.

— Прекрасно.

— Что в этом прекрасного?

— Никто не будет возражать против моего переезда.

У стены снова кто-то тихо фыркнул.

Торвейн повернул голову, и смех исчез мгновенно.

Сайвера едва не усмехнулась.

Пожалуй, стоило попросить трактир хотя бы ради этого момента.

Даймор заговорил осторожно:

— Госпожа Элрон, возможно, вы сейчас расстроены и поэтому...

— Не заканчивайте эту фразу.

Он замолчал.

— Я совершенно ясно понимаю, что делаю. Дом в западной части города мне не нужен. Деньги Альфы тоже. Я выбираю имущество, право на которое закреплено договором. Если «Старый Порог» входит в перечень невостребованных владений, я хочу его получить.

— Входит, — неохотно признал Даймор.

Торвейн отодвинул от себя кресло.

— Зачем?

Сайвера впервые за всё заседание задумалась над ответом.

Можно было сказать правду.

Потому что она знала это место.

Не хорошо — Сайвера была там всего дважды, ещё ребёнком, когда трактир принадлежал её бабушке по материнской линии. После смерти старой хозяйки выяснилось, что участок стоял на землях Ардалей, а документы на само здание оказались составлены так запутанно, что владение в итоге перешло семье Альфы.

Тогда Сайвере было пятнадцать.

Она не спорила.

Потом вышла замуж за Торвейна, и старый трактир окончательно перестал иметь значение.

До сегодняшнего дня.

Сейчас ей казалось почти насмешкой судьбы, что единственное место, связанное с её семьёй, все эти годы числилось среди имущества мужа.

— Потому что это будет моё, — сказала она.

Торвейн замер.

Сайвера не стала объяснять дальше.

Свой дом.

Своя дверь.

Своя крыша, пусть дырявая.

Свои решения.

После семи лет, в течение которых даже выбор скатерти для большого приёма требовал учитывать мнение Совета, подобная мысль казалась почти неприличной роскошью.

Даймор пролистал бумаги.

— Потребуется оформить передачу участка и здания. При обычном порядке...

— Оформляйте сейчас, — сказал Торвейн.

Хранитель посмотрел на него.

— Альфа?

— Она выбрала. Оформляйте.

Сайвера заметила, как его пальцы сжались на спинке кресла.

Если Торвейн ожидал, что она передумает, он ошибся.

Документ составили быстро.

Слишком быстро.

Сайвера подписала его, не торопясь прочитав каждую строку. Даймор несколько раз поглядывал на неё так, словно теперь уже её внимательность раздражала.

Когда очередь дошла до Торвейна, он взял перо.

На секунду их руки оказались рядом.

Всего несколько сантиметров между пальцами.

Когда-то Сайвера знала эти руки лучше собственных. Знала старый шрам возле большого пальца, привычку постукивать ногтем по столу, когда он задумывался, и то, что зимой кожа на костяшках становилась грубее после долгих поездок.

Она отвела взгляд первой.

Перо закрипело по бумаге.

Торвейн поставил подпись.

Даймор приложил печать.

— С этого момента трактир «Старый Порог», прилегающий двор и участок до каменной межи принадлежат Сайвере Элрон.

Вот так.

Ещё одна фраза.

Утром Сайвера проснулась Луной Северной стаи и женой Альфы.

К вечеру у неё остался полуразвалившийся трактир.

Почему-то второе казалось куда надёжнее первого.

Она сложила документ.

— Ключи?

Даймор растерялся.

— Какие ключи?

— Обычно здания запираются.

— Трактир много лет не используется. Не уверен, что...

— Ключи у управляющего имуществом, — сказал Торвейн.

Сайвера посмотрела на него.

— Хорошо.

— Я распоряжусь, чтобы их принесли.

— Не надо. Сама заберу.

Она убрала документ в небольшой кожаный футляр.

Торвейн шагнул к ней.

— Ты собираешься ехать туда сегодня?

— Да.

— Уже почти полдень.

— До вечера доберусь.

— Сайвера, там нельзя ночевать.

— Мне сегодня удивительно часто рассказывают, что я могу и чего не могу.

— Я говорю о безопасности.

— А я слышу человека, который час назад публично обвинил меня в предательстве и теперь переживает, не продует ли меня ночью через разбитое окно.

На этот раз даже Даймор отвёл глаза.

Торвейн приблизился ещё на шаг.

Его голос стал тише.

— Не превращай это в наказание самой себе.

Сайвера долго смотрела на него.

Иногда особенно больно причиняют не жестокие слова.

Забота тоже умеет унижать, если приходит слишком поздно.

— Ты ошибаешься, Торвейн. Впервые за сегодня я делаю что-то исключительно для себя.

Она развернулась.

Ей никто не приказал остановиться.

У дверей Сайвера всё-таки обернулась.

Не к мужу.

К столу.

Серебряный знак Луны всё ещё лежал там, где она его оставила.

Тонкая цепочка блестела рядом с бумагами, которыми доказали её вину.

Сайвера вдруг вспомнила день свадьбы.

Торвейн тогда застёгивал цепь за её шеей и тихо сказал, чтобы никто не слышал:

«Теперь тебя отсюда никто не выгонит».

Смешно.

Некоторые обещания живут ровно до того момента, когда становятся неудобными.

Она вышла из Зала Стаи и закрыла за собой дверь.

На этот раз сама.

Управляющий имуществом трижды переспросил, действительно ли ей нужны ключи от «Старого Порога», а затем ещё минут десять перебирал связки в деревянном шкафу.

— Не думал, что кто-нибудь их когда-нибудь спросит, — признался он.

— Сегодня день неожиданностей.

Пожилой мужчина покосился на Сайверу, но благоразумно промолчал.

Новости по главному дому распространялись быстрее дыма. Сомневаться, что управляющий уже знает о разводе, не приходилось.

Наконец он вытащил длинный железный ключ, настолько старый, что бороздки на его стержне потемнели.

— Вот. Хотя я не ручаюсь, что замок ещё работает.

— Разберусь.

— Госпожа Луна...

Сайвера посмотрела на него.

Мужчина осёкся.

— Простите. Госпожа Элрон.

Странно, но это не причинило боли.

Скорее наоборот.

— Так правильно.

Он протянул ей ключ.

— Там давно никто не жил.

— Мне уже сообщили.

— Крыша над восточным крылом...

— Течёт.

— Дорога...

— Почти заброшена.

— И окна...

— Часть разбита.

Управляющий развёл руками.

— Тогда вы знаете больше меня.

— Надеюсь.

Сайвера положила ключ в сумку и вышла во двор.

Там возникла первая настоящая проблема новой жизни.

У неё не было экипажа.

Точнее, ещё утром было три.

Но все они принадлежали дому Альфы.

Сайвера остановилась у широких каменных ступеней и посмотрела на конюшню.

Можно было потребовать повозку. Формально до завершения дня слуги ещё выполняли бы её распоряжения.

Она представила, как вечером присланный Торвейном кучер привезёт её к трактиру, а утром доложит, где она ночевала, что заносила внутрь и сколько времени провела у разбитого окна.

Нет.

Если уж начинать новую жизнь, лучше сразу заметить, где заканчивается старое.

Она отправилась в конюшню.

Конюх Дейран увидел её и замер возле стойла.

— Госпожа...

Сайвера подняла палец.

— Не надо.

Он сглотнул.

Дейран служил в доме ещё до их свадьбы. Когда-то именно он научил её не бояться огромного серого жеребца Торвейна, который кусал всех, кроме хозяина.

— Я могу оседлать вам лошадь, — быстро предложил конюх.

— Мне нужна не лошадь. Телега.

— Телега?

— Любая, которую можно купить.

Дейран посмотрел на неё так, словно развод окончательно лишил бывшую Луну рассудка.

— Купить?

— У меня пока ещё есть собственные деньги.

Небольшие.

Сайвера никогда не нуждалась в личной казне. Смешно вспоминать об этом теперь. За семь лет она распоряжалась расходами целой стаи, утверждала закупки древесины на тысячи крон, пересчитывала доходы с ярмарок, но её собственные средства помещались в маленький кошель.

К счастью, на телегу хватало.

Через полчаса она стала владелицей старенькой двухколёсной повозки и гневной кобылы по имени Фрайна, которую Дейран собирался продать после зимы.

— Она спокойная, — объяснил он. — И умнее некоторых людей.

— Сегодня это особенно ценно.

Конюх опустил голову, пряча улыбку.

Сайвера купила у него ещё старое попонное одеяло, верёвку и дорожный фонарь.

Потом остановилась.

Дом возвышался за конюшнями, огромный, тёмный и красивый.

Её вещи оставались там.

Платья. Книги. Шкатулка матери. Несколько семейных писем. Зимний плащ.

Возвращаться не хотелось.
Но оставить всё означало подарить прошлому слишком много.
Сайвера вошла через боковую дверь.
Слуги старались не попадаться ей навстречу.
В спальне ничего не изменилось.
На кровати лежала сложенная утром шаль. На туалетном столике стояла заколка. В шкафу висели платья.
Только половина комнаты уже казалась чужой.
Сайвера достала дорожный сундук.
Потом второй.
Взять всё сразу не получится.
Она выбирала необходимое: несколько платьев попроще, рабочую обувь, бельё, плащ, книги учёта, материнскую шкатулку, старый набор инструментов для мелкого ремонта, который когда-то купила из любопытства и почти не использовала.
В нижнем ящике стола нашёлся завернутый в ткань кухонный нож бабушки.
Сайвера провела пальцем по потемневшей деревянной рукояти.
Вот его она возьмёт обязательно.
Последней на глаза попалась синяя лента.
Торвейн подарил её во время первой совместной поездки.
Сайвера подержала ткань в руках.
Потом положила обратно.
Не всё прошлое требовалось сжигать.
Но тащить его с собой тоже не обязательно.
Когда она закрыла второй сундук, за спиной раздался голос:
— Ты могла хотя бы подождать до утра.
Сайвера не вздрогнула.
Только медленно выпрямилась.
Торвейн стоял у двери.
Без знака Альфы на запястье он не остался — конечно. Зато снял официальный сюртук и теперь выглядел почти так же, как по вечерам, когда приходил в спальню после долгого Совета.
Это было нечестно.
После всего случившегося он не имел права выглядеть знакомым.
— Я могла многое, — ответила Сайвера. — Например, выйти замуж за торговца сукном из Рейнгорда. Мать очень его хвалила.
— Он был на двадцать лет старше тебя.
— Зато, возможно, показывал бы мне документы до развода.
Торвейн прикрыл глаза.
— Я заслужил.
— Рада, что хотя бы здесь мы пришли к согласию.
Он вошёл.
Сайвера продолжила укладывать вещи.
— Я отправлю людей починить крышу.
— Не отправишь.
— Тогда хотя бы окна.
— Нет.
— Там ночь нельзя провести нормально.
— Проведу ненормально.
— Сайвера.
Она резко захлопнула крышку сундука.

— Что?

Торвейн остановился.

Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга.

В пустоте между ними помещалось слишком многое.

Семь лет.

Один стол.

Три листа.

Одна подпись.

— Я не хотел, чтобы всё закончилось так, — наконец сказал он.

— А как ты хотел?

Он не ответил сразу.

Сайвера усмехнулась без веселья.

— Вот и я не понимаю.

— Я должен был принять решение.

— Ты его принял.

— У меня есть стая.

— А у тебя была жена.

Торвейн отвёл взгляд к окну.

— Когда доказательства указывают на человека...

— Не надо.

— Дай мне закончить.

— Зачем? Чтобы объяснить, как тяжело тебе пришлось разводиться со мной?

Его челюсть напряглась.

— Чтобы ты поняла: я не сделал этого из ненависти.

Сайвера некоторое время молчала.

Потом подошла ближе.

— Ты думаешь, это меня утешит?

— Нет.

— Тогда зачем говоришь?

На этот вопрос ответа у него тоже не оказалось.

Торвейн посмотрел на сундуки.

— Ты всё равно можешь взять дом и деньги.

— Не хочу.

— Из-за гордости?

— Из-за свободы.

— Сорок тысяч крон не делают человека менее свободным.

— Когда их даёт бывший муж, который считает тебя предательницей, делают.

Торвейн вздохнул.

— Я не хочу, чтобы ты осталась без средств.

— Я восемь лет управляла хозяйственными книгами Северной стаи.

— Знаю.

— Тогда почему ты говоришь со мной так, будто без тебя я к зиме начну грызть кору?

— Потому что ведение книг и жизнь в разваленном трактире — разные вещи.

— Вот и выясню насколько.

Торвейн почти улыбнулся.

Это было всего лишь движение губ, быстро исчезнувшее, но Сайвера заметила.

Раньше она любила добиваться от него таких улыбок.

Сейчас ей захотелось попросить не делать этого.

Она отвернулась.

— Мне пора.

— Я отвезу тебя.

— Нет.

— Хотя бы дам экипаж.

— Я купила телегу.

Торвейн уставился на неё.

— Что?

— И Фрайну.

— Конюх продал тебе Фрайну?

— За честную цену.

— Ей семнадцать лет.

— Тем лучше. У нас обоих закончился возраст, когда следует совершать глупости ради красивых мужчин.

Он всё-таки рассмеялся.

Один короткий звук.

И тут же умолк.

Сайвера ненавидела себя за то, что на мгновение захотелось рассмеяться вместе с ним.

Вот почему нельзя оставаться.

Привычка иногда крепче любви. Человек может разбить тебе жизнь утром, а вечером одной знакомой интонацией заставить вспомнить времена, когда всё было хорошо.

Сайвера взяла плащ.

Торвейн подошёл к первому сундуку.

— Я вынесу.

— Сама.

— Не глупи, он тяжёлый.

— Ты сегодня уже высказался о моих решениях.

— А ты собираешься таскать сундуки только ради того, чтобы доказать мне свою независимость?

Она посмотрела на него.

— Нет. Я собиралась попросить Дейрана.

Торвейн нахмурился.

Сайвера не удержалась:

— Видишь? Уже учусь жить без тебя.

Он ничего не ответил.

И всё же сундуки в телегу отнёс Дейран.

К «Старому Порогу» Сайвера добралась незадолго до сумерек.

Последняя часть дороги оказалась хуже, чем она помнила.

Сначала исчезли дорожные столбы.

Потом каменная колея стала такой узкой, что ветви задевали борта телеги. Дважды Сайвере пришлось спускаться и оттащить с пути упавшие сучья, а возле старого моста она вообще остановилась и несколько минут решала, выдержат ли доски Фрайну.

Фрайна посмотрела на мост, потом на хозяйку и тяжело вздохнула.

— Даже не начинай, — предупредила Сайвера.

Кобыла снова вздохнула.

— У меня сегодня и без тебя достаточно осуждения.

Мост выдержал.

За ним дорога повернула между высоких елей, и трактир наконец появился впереди.

Сайвера остановила телегу.

— Ох.

Управляющий не преувеличивал.

Если только совсем немного.

«Старый Порог» стоял на невысоком каменном основании у развилки двух дорог. Когда-то здание наверняка выглядело внушительно: два этажа, длинное восточное крыло, широкий двор, конюшня и крытая галерея вдоль фасада.

Теперь часть черепицы отсутствовала.

Одна ставня висела на единственной петле.

Вывеска сохранилась только наполовину: от старой надписи можно было разобрать «Стар... Пор...».

Двор зарос высокой травой.

У крыльца вырос молодой клён.

Сайвера медленно выдохнула.

— Ну что, Фрайна. Нас обеих явно обманули.

Кобыла принялась жевать траву.

— Спасибо за поддержку.

Она спрыгнула на землю.

Ключ действительно подошёл.

Правда, замок пришлось уговаривать почти пять минут, а потом ещё навалиться плечом на разбухшую дверь.

Та сдалась с таким скрипом, словно протестовала против нарушения тридцатилетнего покоя.

Внутри пахло древесиной, сыростью и пылью.

Сайвера подняла фонарь.

Большой общий зал сохранился лучше, чем ожидалось.

Шесть длинных столов.

Каменный очаг.

Стойка у дальней стены.

Несколько перевёрнутых стульев.

Под потолком висело тёмное колесо старой люстры без свечей.

На полу лежал слой пыли, достаточно толстый, чтобы по нему можно было писать письма.

Сайвера сделала два шага.

Под ногой хрустнуло.

Она замерла.

Посмотрела вниз.

Обычная сухая веточка.

— Замечательно.

Голос разнёсся по залу и вернулся слабым эхом.

Никаких слуг.

Никаких советников.

Никакого Торвейна.

Никого.

Сайвера неожиданно улыбнулась.

Она прошла к стойке и провела пальцем по дереву.

Под пылью обнаружился тёмный дуб.

Хороший.

Если отшлифовать, ещё послужит.

Очаг тоже выглядел целым. Дымоход следовало проверить до первого серьёзного огня, но камни не рассыпались.

За общей комнатой находилась кухня.

Вот там Сайвере стало хуже.

Одна полка упала.

Дверца большого шкафа отсутствовала.

В углу что-то давно свило гнездо, хотя нынешних жильцов уже не наблюдалось.

Старая печь стояла на месте.

Сайвера постучала костяшками по кирпичу.

— Жить будем.

Через четверть часа у неё появилась первая страница расходов.

Через полчаса — вторая.

К вечеру Сайвера поняла две вещи.

Во-первых, сорок тысяч крон были бы сейчас чрезвычайно полезны.

Во-вторых, она всё равно не жалела, что отказалась.

Денег хватало примерно на самое необходимое.

Если привести в порядок общий зал и хотя бы две комнаты, можно принимать редких путников. Дорогу требовалось расчистить. Конюшню — проверить. Крышу над восточным крылом придётся ремонтировать до сильных дождей.

Часть мебели можно восстановить.

Часть — разобрать на доски.

На складе за кухней неожиданно сохранились два больших медных котла. Один оказался треснутым, второй после хорошей чистки вполне годился.

Сайвера записала:

«Не продавать».

Потом подумала и подчеркнула.

В доме Альфы она занималась суммами, от которых зависело содержание нескольких сотен человек.

Сегодня её порадовал целый котёл.

Жизнь обладала странным чувством юмора.

Снаружи стемнело.

Пришлось заняться ночлегом.

Сайвера выбрала комнату на втором этаже возле лестницы. Там сохранились кровать, небольшой стол и целое окно. Матрас она без сожаления вытащила в коридор: пользоваться им после тридцати лет запустения не хотелось даже из принципа.

Вместо этого расстелила на деревянной раме купленное у Дейрана одеяло, сверху положила плащ.

Не роскошь.

Но вполне терпимо.

После этого она вернулась во двор, накормила Фрайну и устроила её в наиболее целой части конюшни.

— Если крыша упадёт, кричи.

Кобыла посмотрела на хозяйку.

— Я тоже буду кричать.

Когда Сайвера снова вошла в трактир, уже окончательно стемнело.

Она закрыла дверь на старый засов.

Потом остановилась.

Прислушалась.

Тишина.

Настоящая.

В доме Альфы тишины почти не существовало. Даже ночью где-то ходила стража, менялись дежурные, хлопали двери, слуги готовились к утру.

Здесь слышались только ветер и редкий стук ветки по стеклу.
Сайвера поставила фонарь на стойку и вдруг почувствовала, насколько устала.
Не от дороги.
От дня.
Утром она сидела напротив Торвейна за завтраком. Он читал письмо, Сайвера жаловалась, что повар снова заказал слишком много муки перед окончанием месяца.
Обычное утро.
Она даже спросила, вернётся ли он к ужину.
Торвейн ответил, что постарается.
Он уже тогда знал про собрание?
Наверное.
Сайвера медленно опустилась на стул.
Вот об этом думать было нельзя.
Не сегодня.
Она встала, нашла метлу и начала подметать.
Это оказалось гораздо полезнее воспоминаний.
Через час удалось очистить половину общего зала.
Ещё через полчаса Сайвера обнаружила за стойкой старую книгу.
Кожаная обложка потрескалась, на углах виднелись потёртые металлические накладки.
Она осторожно открыла её.
Книга гостей.
Первые страницы почти выцвели.
Имена.
Даты.
Количество комнат.
Иногда — короткие записи хозяина.
«Семья Лорн, пятеро, две комнаты».
«Купцы с юга, семь человек и три повозки».
«Мальчик найден у западной дороги. Передан дяде через четыре дня».
Сайвера задержала взгляд на последней строке.
Странно.
Она перелистнула страницу.
Дальше снова шли обычные гости.
Мальчик, видимо, потерялся.
Ничего необычного.
Книгу Сайвера отнесла на стойку и накрыла чистой тканью.
Разобраться можно завтра.
Сегодня требовалось хотя бы не уснуть лицом в пыль.
Она поднялась на второй этаж.
По дороге считала двери.
Привычка.
Шесть слева.
Шесть справа.
Двенадцать гостевых комнат.
Её собственную, в самом конце коридора, считать не следовало: судя по старым табличкам, она относилась к хозяйской части и находилась за небольшой аркой.
Сайвера проверила каждую.
В трёх комнаты выглядели почти пригодными.
В двух отсутствовало стекло.

Одна дверь вообще не открылась.
Ещё одна комната оказалась завалена сломанными стульями.
Работы — на несколько месяцев.
Почему-то эта мысль её успокоила.
Несколько месяцев работы означали несколько месяцев, в течение которых утром будет понятно, зачем вставать с постели.
Сайвера вернулась в выбранную комнату.
Сняла обувь.
Села на край деревянной кровати.
И только тогда позволила себе вспомнить Торвейна.
Не собрание.
Его.
Мужчину, которого сегодня потеряла.
От этого было гораздо больнее.
Сайвера уткнулась лбом в ладони.
Плакать она не собиралась.
Не из гордости.
Просто слёзы казались слишком простым ответом на происходящее.
Ей хотелось злиться, но злость смешивалась с непониманием. Хотелось ненавидеть Торвейна, но память услужливо подсовывала совершенно другого мужчину.
Того, который однажды три часа сидел возле кухни, ожидая, пока она закончит спор с поставщиком.
Того, который приносил ей горячую лепёшку с мёдом после ночных заседаний.
Того, который никогда не смеялся над её привычкой дважды проверять счета.
Наверное, именно это было самым страшным.
Торвейн не был чудовищем.
Он просто не поверил ей.
Иногда одной человеческой ошибки достаточно, чтобы разрушить то, что строилось годами.
Сайвера подняла голову.
— Хорошо.
Голос прозвучал хриловато.
Она посмотрела в тёмное окно.
— Значит, будем жить дальше.
Ответа, разумеется, не последовало.
Она легла.
Кровать оказалась жёсткой.
Одеяло — тонким.
Ветер посвистывал в щели возле рамы.
Сайвера закрыла глаза.
Завтра нужно расчистить кухню.
Потом проверить колодец.
Найти мастера для крыши.
Решить, где покупать продукты.
Разобрать кладовую.
Подумать о вывеске.
Если дорога почти не используется, придётся придумать, зачем путникам сворачивать именно сюда.
Может быть...

Тук.
Сайвера открыла глаза.
Несколько секунд лежала неподвижно.
Наверное, ветка.
Тук.
Нет.
Звук пришёл не с улицы.
Он раздался где-то в коридоре.
Сайвера села.
Прислушалась.
Тишина.
— Старый дом, — пробормотала она. — Дерево играет.
Она снова легла.
Тук-тук.
На этот раз ошибиться было невозможно.
Кто-то стучал.
Сайвера медленно поднялась.
Натянула обувь.
Взяла фонарь.
Дверь комнаты открыла осторожно.
Коридор был пуст.
Огонёк фонаря едва доставал до дальнего конца. На стенах лежали длинные тени, половицы под ногами тихо поскрипывали.
Сайвера сделала шаг.
Потом ещё один.
Тук.
Звук раздался впереди.
Слева.
Она остановилась.
Шесть дверей слева.
Сайвера точно помнила.
Сегодня вечером она считала их дважды.
Первая.
Вторая.
Третья.
Она медленно шла по коридору, поднимая фонарь.
Четвёртая.
Пятая.
Шестая.
И дальше...
Сайвера замерла.
За шестой дверью раньше была голая стена.
Теперь там находилась ещё одна.
Узкая.
Тёмная.
Дерево выглядело почти чёрным, хотя остальные двери были выцветшими от времени.
На ней не было ни номера, ни ручки снаружи — только круглая железная пластина посередине.
Сайвера уставилась на дверь.
Потом перевела взгляд назад.

Шесть дверей справа.
Шесть слева.
И эта.
Тринадцатая.
Нет.
Так не бывает.
Она могла ошибиться.
Сайвера подошла к стене и провела ладонью по косяку.
Дерево было настоящим.
Холодным.
Старая штукатурка вокруг него не осыпалась и не треснула, словно дверь стояла здесь столько же лет, сколько сам трактир.
Тук.
Сайвера резко отдернула руку.
Стук пришёл с другой стороны.
Она подняла фонарь выше.
— Кто там?
Ничего.
Сайвера сглотнула.
— Если это какая-то шутка...
Глупость.
Кто мог шутить?
Она одна в трактире.
До ближайших домов несколько часов дороги.
Тук.
На этот раз удар был слабее.
Потом донёсся голос.
Детский.
— Пожалуйста...
Сайвера перестала дышать.
Голос был совсем тихим.
Будто ребёнок стоял далеко от двери.
Или очень устал.
— Кто ты?
Ответ пришёл не сразу.
— Не закрывайте.
Сайвера нахмурилась.
— Я не закрываю.
За дверью что-то зашуршало.
— Она сейчас исчезнет.
— Какая она?
— Дверь.
Сайвера посмотрела на тёмное дерево перед собой.
— Где ты находишься?
Ребёнок снова замолчал.
Потом тихо ответил:
— В лесу.
У Сайверы по спине прошёл холод.
Она подняла железную пластину.

Под ней обнаружилось небольшое углубление.

Ручка.

С внутренней стороны, видимо, тоже была.

Сайвера взялась за металл.

Остановилась.

Разум настойчиво предлагал не открывать неизвестную дверь, которая возникла ночью в доме, где её не существовало несколько часов назад.

Но за ней был ребёнок.

И он попросил не закрывать.

Сайвера повернула ручку.

Дверь открылась без скрипа.

В лицо ударил ледяной ночной воздух.

Она не сразу поняла, что видит.

За порогом не было комнаты.

Не было стены.

Не было даже второго этажа трактира.

Там стоял лес.

Настоящий.

Тёмные ели поднимались к ночному небу. Между ветвями блестели незнакомые звёзды. Землю покрывал тонкий серебристый иней, а дальше между деревьев тянулась едва заметная тропа.

На ней стоял мальчик.

Лет девяти, не больше.

Тонкая рубаша была порвана у плеча. Штаны перепачканы землёй. Светлые волосы прилипли ко лбу.

Он смотрел на Сайверу огромными серыми глазами.

И только когда мальчик сделал шаг к свету, Сайвера заметила маленькие волчьи уши, прижатые к голове.

Волчонок.

Он крепко держал обеими руками небольшой полотняный узелок.

— Это трактир? — спросил он.

Сайвера не сразу нашла голос.

— Да.

Мальчик оглянулся на тёмный лес.

Оттуда донёсся далёкий треск веток.

Волчонок вздрогнул.

— А меня отсюда выгонят?

Сайвера посмотрела на него.

На босые ноги.

На узелок.

На тёмную тропу за его спиной.

На дверь, которой не должно было существовать.

Сегодня утром её саму лишили дома перед десятками свидетелей.

Вечером она получила разваленный трактир, в котором никто не мог приказать ей уйти.

А теперь на его пороге стоял ребёнок и спрашивал разрешения войти.

Сайвера отступила в сторону.

— Нет.

Мальчик не двинулся.

— Что — нет?

Она распахнула дверь шире.
Тёплый свет фонаря лёг на деревянный пол между ними.
— Здесь тебя не выгонят.
Волчонок шагнул через порог.
И в ту же секунду лес за его спиной исчез.

Глава 2. Тринадцатая дверь

Сайвера успела схватить мальчика за плечо прежде, чем он от неожиданности отступил назад.

Отступать было уже некуда.

За его спиной больше не шумели ели, не серебрился иней и не тянулась между деревьями тёмная тропа. Вместо чужого леса в нескольких шагах от них находилась небольшая комната с голыми стенами, низким потолком и деревянным полом. Пустая настолько, что свет фонаря беспрепятственно достигал противоположной стены.

Мальчик обернулся и уставился туда, где секунду назад был лес.

Потом быстро шагнул к стене и прижал к ней ладонь.

— Нет.

Он ощупал доски, словно рассчитывал найти спрятанную щель.

— Где она?

— Если ты спрашиваешь меня, то у нас проблема, — сказала Сайвера, всё ещё не отпуская его плечо. — Я собиралась задать тебе тот же вопрос.

Волчьи уши мальчика дрогнули и окончательно прижались к светлым волосам. Он несколько раз провёл руками по стене, потом повернулся к двери в коридор.

Та оставалась на месте.

Тринадцатая.

Снаружи тёмная, почти чёрная. Изнутри — совершенно обычная дверь, выкрашенная когда-то в серый цвет.

Сайвера подняла фонарь выше.

Комната была очень маленькой. Вдоль стены едва поместилась бы кровать, напротив оставалось место для узкого стола. Окна не было. На полу лежала пыль, но значительно меньше, чем в остальных помещениях трактира, а в углах отсутствовала паутина.

Будто эта комната не простояла закрытой тридцать лет.

Будто её вообще не существовало до этой ночи.

Сайвера медленно вышла в коридор и посмотрела по сторонам.

Шесть дверей справа.

Шесть слева.

И тринадцатая в торцевой стене.

Она прекрасно помнила, что несколько часов назад здесь была только потрескавшаяся штукатурка. Больше того, Сайвера днём обошла здание снаружи. За этой стеной второй этаж заканчивался.

Небольшой комнаты там просто некуда было поместить.

Мальчик появился рядом.

Он держал свой полотняный узелок так крепко, что пальцы побелели.

— Она всегда так делает?

Сайвера посмотрела на него.

— Кто?

— Дверь.

— Я увидела её впервые примерно за минуту до тебя.

Он явно ожидал другого ответа.

Некоторое время мальчик молчал, потом осторожно спросил:

— А вы здесь хозяйка?

Сайвера едва не сказала, что стала хозяйкой несколько часов назад и пока её главное достижение заключается в том, что она не провалилась сквозь лестницу.

Но ребёнок смотрел слишком серьёзно.

— Да.

— Значит, вы должны знать.

— Боюсь, трактир не успел объяснить мне все свои правила.

Мальчик нахмурился, пытаясь решить, шутит она или нет.

Сайвера тоже пыталась решить, что делать дальше.

На втором этаже заброшенного трактира возникла дверь, ведущая в неизвестный лес. Через неё пришёл девятилетний, судя по виду, волчонок. Как только он переступил порог, лес исчез, зато появилась комната, которой не могло существовать ни по плану дома, ни по здравому смыслу.

Любая из этих вещей отдельно заслуживала нескольких часов размышлений.

Вместе они требовали чего-нибудь более практичного.

Например, спуститься вниз, закрыть засов и накормить ребёнка.

— Как тебя зовут?

Он помедлил.

— Иврей.

— Только Иврей?

Мальчик кивнул слишком быстро.

Сайвера заметила это, но не стала настаивать.

— Хорошо, Иврей. Сколько тебе лет?

— Девять.

Возраст она определила верно.

— Ты голодный?

Теперь пауза оказалась ещё короче.

— Нет.

В ту же секунду из живота мальчика донёсся настолько выразительный звук, что он покраснел до кончиков ушей.

Сайвера подняла брови.

— Понимаю. Это, видимо, проголодался кто-то другой.

Иврей опустил глаза.

— Я могу не есть много.

Фраза прозвучала настолько буднично, что Сайвере она не понравилась гораздо сильнее, чем если бы ребёнок начал жаловаться.

— А я могу сама решить, сколько еды мне не жалко.

Он поднял взгляд.

Сайвера указала фонарём на лестницу.

— Идём.

Мальчик не двинулся.

— Вы обещали.

— Что именно?

— Что меня не выгонят.

— И?

— А если утром передумаете?

Сайвера несколько мгновений смотрела на него.

Она могла бы успокоить ребёнка красивыми словами. Сказать, что никогда не передумает, что теперь он в безопасности, что всё обязательно будет хорошо.

После сегодняшнего дня обещания, данные слишком легко, раздражали её почти физически.

Поэтому Сайвера ответила иначе:

— Утром я сначала собираюсь разобраться с кухней. Потом с окном, которое держится исключительно из уважения к старости. Потом мне придётся понять, как заработать денег, потому что мой трактир пока умеет только поглощать их. Выгонять тебя в моём расписании нет.

Иврей задумался.

— А послезавтра?

— Если будешь спрашивать про каждый день отдельно, мы до кухни не дойдём.

На этот раз мальчик едва заметно улыбнулся.

Совсем чуть-чуть.

Но руки на узелке перестали быть такими напряжёнными.

Они спустились вниз.

Сайвера нашла остатки еды, которую захватила в дорогу для себя: небольшой круг хлеба, кусок твёрдого сыра, два яблока. На одного человека этого хватило бы до утра.

На двоих пришлось делить.

Сайвера поставила фонарь на стол, протёрла от пыли скамью и положила перед мальчиком половину хлеба.

Иврей не притронулся.

— Что?

— Вы первая.

Сайвера отломил маленький кусок от своей половины.

— Убедился?

Только после этого он начал есть.

Сначала медленно.

Потом всё быстрее.

Сайвера сделала вид, что не замечает.

Она налила ему воды из дорожной фляги, сама села напротив и посмотрела на мальчика внимательнее.

В свете фонаря Иврей выглядел ещё младше. Худой, с острым подбородком и серыми глазами, которые казались слишком взрослыми только потому, что ребёнок всё время ждал подвоха. На рубаше не было ни вышивки, ни знаков местности. Одежда простая, но ткань хорошая.

Не ребёнок бродяг.

Во всяком случае, не с рождения.

— Откуда ты пришёл?

Иврей перестал жевать.

— Из леса.

— Эту часть я видела собственными глазами.

Он опустил хлеб.

— Я не знаю, как он называется у вас.

— Тогда расскажи, что находилось рядом.

Мальчик задумался.

— Дом.

— Какой дом?

— Наш.

— Где?

Иврей нахмурился ещё сильнее.

— За каменной дорогой.

Сайвера терпеливо ждала.

— Рядом есть ручей, — добавил он. — Он проходит под мостом, а потом уходит к старой башне. Башня сломанная, у неё только половина верха осталась.

Этого было мало.

— Что ещё?

— Большая ель возле дороги. В неё молния когда-то попала, и она сверху белая.

Сайвера медленно поставила кружку.

Белая ель.

Старая башня.

Ручей под каменным мостом.

Она знала такое место.

За последние годы ей приходилось видеть сотни дорожных описаний, но это запомнилось потому, что объезд возле старой башни каждую весну становился непроходимым. Несколько раз Сайвера сама исправляла расходы на его расчистку.

— У башни три узких окна на нижнем этаже?

Иврей удивился.

— Да.

— А мост построен из серого камня с двумя круглыми столбами?

Он кивнул.

Сайвера откинулась на спинку стула.

От трактира до той башни было никак не меньше пяти часов хорошей езды. На Фрайне, по нынешней дороге, все семь.

И уж точно не несколько шагов через коридор.

— Я что-то не так сказал? — спросил Иврей.

— Нет. Наоборот.

— Тогда почему вы так смотрите?

Сайвера покосилась на лестницу.

— Потому что дверь привела тебя очень далеко от того места, где ты её открыл.

Мальчик перестал есть.

— Насколько?

— Настолько, что пешком ты добирался бы сюда почти весь день. Возможно, дольше.

Иврей посмотрел на свои босые ноги.

— Я не шёл.

— Это я уже поняла. Расскажи мне, как появилась дверь.

Он долго молчал.

Сайвера не торопила.

Наконец Иврей положил остаток хлеба на стол.

— Мне сказали уйти.

— Кто?

— Люди из дома.

— Родители?

Мальчик дёрнул головой.

— Нет.

Сайвера решила не спрашивать сразу, где родители. По тому, как он сжал губы, ответ явно не относился к тем, которые ребёнок выдаст незнакомой женщине через десять минут после знакомства.

— Кто именно сказал тебе уйти?

— Управляющий. И ещё двое были с ним.

— Почему?

Иврей пожал плечами.

Жест получился слишком старательно равнодушным.

— Сказали, дом больше не наш.

— Чей?

— Не знаю.

— А где остальные из твоей семьи?

Он снова замолчал.

Сайвера дала ему время.

— Никого нет, — наконец ответил мальчик.

Это могло означать что угодно.

Сайвера не стала уточнять.

— Что было дальше?

— Мне вынесли узел. Сказали забрать вещи и не возвращаться. Я пошёл к старому дереву.

— К какой именно ели?

— Не к белой. Дальше в лесу есть огромное дерево. Оно внутри пустое. Мы там прятались, когда были маленькими.

«Мы».

Значит, кто-то ещё был.

Иврей, кажется, понял, что сказал лишнее, потому что быстро продолжил:

— Я сел возле него. Потом стало темно. Я думал переночевать внутри, а утром идти к дороге.

— И дверь?

— Сначала на дереве была просто линия.

Он провёл пальцем по столу, показывая прямоугольник.

— Потом появилась ручка. Я думал, мне кажется. Открыл, а там коридор и свет. Потом вы спросили, кто там.

Сайвера посмотрела на фонарь.

Если мальчик говорил правду, дверь возникла в стволе дерева одновременно с тем, как появилась в стене трактира.

— Ты видел такую раньше?

— Нет.

— Слышал о ней?

Иврей покачал головой.

— А о «Старом Пороге»?

Новая пауза.

— Бабушка говорила.

Сайвера сразу выпрямилась.

— Что именно?

— Не помню.

— Постарайся.

Мальчик недовольно посмотрел на неё, но послушался.

— Она говорила, раньше путники ехали к Порогу, когда не знали, куда больше идти.

Сайвера замерла.

— Так и сказала?

— Наверное.

— Иврей.

— Мне было шесть! — возмутился он. — Я не записывал.

Это прозвучало настолько по-детски, что Сайвера невольно улыбнулась.

— Справедливо.

Мальчик снова взял хлеб.

Когда он потянулся за кружкой, рукав немного задрался. На внутренней стороне левого запястья мелькнула серебристая линия.

Не шрам.

Скорее необычная родовая отметина: тонкий знак, похожий на три расходящихся луча, заключённых в незамкнутый круг.

Иврей сразу одёрнул рукав.

Сайвера ничего не сказала.

Она знала многие гербы и знаки Северной стаи, но этот ей ни о чём не говорил.

Во всяком случае, пока.

— Я могу работать, — неожиданно сказал мальчик.

— Что?

— За еду и комнату.

Сайвера нахмурилась.

— Тебе девять.

— Я умею.

— Девять лет?

Иврей недовольно поджал губы.

— Работать.

— А что именно?

Он начал перечислять с той серьёзностью, с которой взрослый управляющий докладывал бы о своих обязанностях:

— Могу носить воду. Могу чистить столы. Могу считать. Могу записывать, если буквы не очень мелкие. Могу смотреть за лошадьё. Ещё я хорошо помню, кто что сказал.

— Последнее иногда опасный талант.

— Почему?

— Узнаешь, когда станешь старше.

Иврей явно не оценил уклончивого ответа.

Сайвера посмотрела на его узелок.

— А сейчас ты можешь сделать одну вещь.

— Какую?

— Доесть.

— И всё?

— Потом поспать.

— Я не устал.

Он зевнул прежде, чем договорил.

Сайвера решила не унижать его замечанием.

После еды они поднялись вверх. Тринадцатая дверь оставалась на прежнем месте.

Сайвера снова открыла её.

За дверью была всё та же маленькая пустая комната.

Она вошла внутрь с фонарём, простучала стену и даже измерила шагами помещение. Затем вернулась в коридор, прошла до своей комнаты, вспомнила внешний вид стены с улицы и окончательно убедилась: пространство не сходилась.

Никак.

Комната существовала там, где для неё не было места.

— Она ваша? — спросил Иврей.

— Понятия не имею.

— Но трактир ваш.

— С сегодняшнего дня.

— Значит, и комната ваша.

Логика была настолько безупречно детской, что спорить не хотелось.

— Тогда как хозяйка я запрещаю тебе там ночевать.

Иврей удивился.

— Почему?

— Потому что я не знаю, не решит ли комната среди ночи снова стать лесом.

Он посмотрел внутрь и быстро согласился:

— Хорошо.

Сайвера отвела ему одну из трёх относительно целых комнат. В ней не было постели, пригодной для сна, поэтому пришлось принести с первого этажа несколько старых покрывал, вытряхнуть их во дворе и устроить временное место на деревянной кровати.

Иврей стоял у двери и следил за каждым движением.

— Завтра приведём комнату в порядок, — сказала Сайвера. — Сегодня придётся потерпеть.

— Мне нормально.

Она подозревала, что ребёнок сказал бы то же самое, предложи ему спать на кухонном столе.

Сайвера поставила фонарь на пол.

— Дверь закрывать?

Иврей посмотрел в коридор.

— Можно не до конца?

— Можно.

Она уже собиралась выйти, когда он спросил:

— А если те люди найдут меня?

Сайвера задержалась.

— Кто именно?

— Из дома.

— Ты хочешь к ним вернуться?

Ответ последовал мгновенно.

— Нет.

— Тогда сначала им придётся объяснить мне, почему девятилетнего ребёнка отправили ночью в лес одного.

Иврей посмотрел на неё с сомнением.

— А если они скажут, что имеют право?

Сайвера вспомнила дубовый стол, серебряную цепочку и голос Торвейна: «Я верю тому, что могу доказать».

— Тогда мы выясним, какое именно.

— А если у них будет бумага?

Она невольно усмехнулась.

— С бумагами они выбрали очень неудачный дом.

Иврей не понял.

Но ему, кажется, понравился ответ.

Сайвера оставила дверь приоткрытой и вернулась к себе.

Спать после всего случившегося оказалось почти невозможно.

У неё появился ребёнок.

Нет, это звучало неправильно.

У трактира появился ребёнок.

Тоже странно.

Ребёнок возник из двери, которой утром не существовало, а вечером не должно было быть.

Вот так точнее.

Сайвера лежала, глядя в темноту, и пыталась расположить события в разумном порядке.

Утром — развод.

Днём — трактир.

Ночью — невозможная дверь и девятилетний волчонок из леса в нескольких часах пути отсюда.

Если следующий день окажется ещё содержательнее, к вечеру ей, возможно, придётся пересмотреть само понятие нормальной жизни.

Из соседней комнаты донёсся тихий скрип.

Сайвера приподнялась.

Потом слышались шаги.

Иврей появился в дверях.

— Что случилось?

Он переминался с ноги на ногу.

— Ничего.

— Ты пришёл сообщить мне об этом среди ночи?

Мальчик помолчал.

— Можно я оставлю дверь открытой сильнее?

Сайвера откинула край плаща, которым укрывалась.

— Оставляй.

Он ушёл.

Через минуту вернулся.

— А фонарь?

Сайвера посмотрела на единственный дорожный фонарь.

— Забирай.

— А вы?

— Я знаю, где стены.

Иврей серьёзно кивнул и унёс свет.

Сайвера осталась в темноте.

Почему-то впервые за весь день ей стало спокойно.

Утром её разбудил грохот.

Сайвера вскочила и несколько секунд не могла понять, где находится.

Потом вспомнила.

Трактир.

Развод.

Дверь.

Мальчик.

Она быстро вышла в коридор.

Комната Иврея была пуста.

Тринадцатая дверь находилась на месте.

За ней тоже было пусто.

Снизу снова что-то загремело.

Сайвера поспешила к лестнице и обнаружила Иврея на кухне.

Мальчик стоял на перевёрнутом ящике и пытался поднять упавшую полку.

— Что ты делаешь?

Он вздрогнул.

— Работаю.

— Зачем?

— Я же сказал.

— А я, кажется, сказала тебе спать.

— Уже утро.

Сайвера посмотрела в окно.

Он был прав.

Серое предрассветное небо постепенно светлело.

— Хорошо. Тогда другое правило: если предмет тяжелее тебя, сначала спрашиваешь меня.

Иврей посмотрел на полку.

— Она не тяжелее.

Полка в этот момент выскользнула у него из рук и снова упала с громким стуком.

Сайвера подняла брови.

— Возражения?

— Она неудобная.

— Разумеется.

Иврей слез с ящика.

Сайвера подошла к окну.

На улице Фрайна стояла возле ограды и смотрела на трактир с выражением старой женщины, заранее недовольной поведением соседей.

День обещал быть ясным.

Это было хорошо.

До дождей требовалось сделать слишком многое.

Сайвера спустилась в общий зал и достала вчерашний список.

Сразу поняла, что он бесполезен.

Пунктов было слишком много.

Если смотреть на всё одновременно, возникало сильное желание закрыть трактир ещё на тридцать лет.

Она перевернула лист.

— Начнём заново.

Иврей подошёл ближе.

— Что пишете?

— То, без чего мы не доживём до конца недели.

— Еда.

Сайвера записала.

— Еда.

— Стекло.

— Пока закроем ставнями.

— Одна ставня почти упала.

— Значит, крепёж.

— Дрова.

— Во дворе есть старый навес.

— Там половина мокрые.

Сайвера посмотрела на него.

— Когда ты успел проверить?

— Пока вы спали.

— Иврей.

— Я тихо.

— Это не делает твою самостоятельную прогулку по незнакомому двору разумнее.

Он насупился.
Сайвера добавила в список сухие дрова.
Дальше пошли мука, крупа, соль, несколько простых мисок взамен треснувших, свечи, щётки, ткань для занавесок на разбитых окнах и крепкие гвозди.
Сайвера дошла до конца строки и остановилась.
Потом достала кошель.
Вчера она старалась не считать остаток.
Теперь пришлось.
Монеты легли на стол маленькой кучкой.
Иврей сел напротив.
Сайвера пересчитала один раз.
Потом второй.
Сумма не изменилась.
— Плохо? — спросил мальчик.
— Зависит от того, насколько ты любишь пустую кашу и сквозняки.
— Кашу люблю.
— Тогда у нас прекрасные новости.
Иврей придвинулся.
— Сколько?
Сайвера назвала сумму.
Мальчик посмотрел на список.
Потом на монеты.
— На всё не хватит.
— Я заметила.
— Если не покупать миски, можно взять муку.
— Миски нужны, если мы хотим кормить гостей.
— А гости уже есть?
Сайвера посмотрела на пустой зал.
— Пока один.
— Я не гость.
— А кто?
Иврей задумался.
Ответа не нашёл.
Сайвера решила не помогать.
— Сначала самое необходимое. Всё остальное заработаем.
— Как?
Вот это был хороший вопрос.
Трактир стоял на почти заброшенной дороге. Вывеска разваливалась. Из двенадцати комнат пригодными можно было назвать три, если проявить большое снисхождение. Кухня выглядела так, словно последние тридцать лет здесь хозяйничали исключительно пыль и ветер.
Сайвера посмотрела на стойку.
— Откроемся.
Иврей огляделся.
— Сегодня?
— А почему нет?
— Потому что здесь всё сломано.
— Не всё.
— Почти.
— Значит, будем предлагать то, что не сломано.

— Что?

Сайвера указала на очаг.

— Тепло. Еду. Стол. Место для лошади. Через несколько дней — комнаты.

Иврей смотрел с сомнением.

— А если никто не приедет?

— Тогда будем думать дальше.

— А если приедут?

— Покормим.

— Чем?

Сайвера вздохнула.

— Для начала съездим за продуктами.

Они отправились спустя час.

Фрайна явно не одобряла, что вчерашняя поездка оказалась не последней, но всё же потянула телегу по дороге.

Иврей сидел рядом с Сайверой, завернувшись в её запасной плащ. Его собственная одежда после ночи выглядела ещё хуже, поэтому одной из незапланированных покупок стала простая рубаша и крепкие башмаки, которые нашлись в маленькой лавке ближайшего поселения.

Сайвера не спрашивала, хочет ли он новую одежду.

Если бы спросила, мальчик наверняка отказался бы ради экономии.

Вместо этого она объявила покупку хозяйственной необходимостью.

— Как башмаки могут быть хозяйственной необходимостью? — спросил Иврей.

— Работник без башмаков будет хуже работать.

— Значит, я работник?

— Пока испытательный срок.

— Сколько?

— До тех пор, пока не решу.

Он остался доволен.

Из еды Сайвера выбрала самое простое: крупу, муку, лук, корнеплоды, яйца и немного масла. От покупки мяса пришлось отказаться. Не потому, что она не хотела его готовить, а потому, что после расчёта становилось очевидно: либо мясо, либо крепёж для ставен.

Ставни победили.

По дороге обратно Иврей неожиданно сказал:

— Вас обсчитали.

Сайвера повернула голову.

— Кто?

— Женщина с мукой.

— На сколько?

Он назвал сумму.

Сайвера мысленно пересчитала покупки.

Потом ещё раз.

Мальчик оказался прав.

— Ты запомнил все цены?

— Да.

— Я купила больше десяти вещей.

— Одиннадцать.

— И ты помнишь каждую?

Иврей начал перечислять.

Не только товары, но и стоимость.

Без ошибки.

Сайвера смотрела на него всё внимательнее.

— Кто тебя учил считать?

— Дед.

— Хорошо учил.

Мальчик пожал плечами, однако уши заметно поднялись.

Это была первая похвала, которую он принял без подозрения.

— А читать умеешь?

— Да.

— Писать?

— Если перо нормальное.

— Моё перо только что оскорбили.

— Я не про ваше. У нас было одно плохое. Оно цеплялось.

Сайвера усмехнулась.

— Тогда сегодня проверим, достоин ли мой трактир твоих требований.

Они вернулись к «Старому Порогу» ближе к полудню и сразу занялись работой.

Сайвера решила не хвататься за всё одновременно. Сначала кухня.

Иврей выносил во двор пустые ящики и старую посуду, которую уже невозможно было использовать. Сайвера отмывала поверхности, закрепила уцелевшую полку и разобрала печь настолько, насколько позволяли её знания.

К счастью, ничего серьёзного не обнаружилось. Несколько кирпичей требовали внимания, зато сама конструкция держалась крепко.

Первый небольшой огонь Сайвера развела осторожно.

Они открыли окна.

Иврей стоял возле двери и наблюдал.

Дым сначала пошёл внутрь.

— Плохо, — сказал он.

— Я вижу.

Сайвера погасила огонь, поднялась наверх, нашла выход к крыше и почти час потратила на то, чтобы разобрать заслонку и очистить доступный участок дымохода от накопившегося мусора.

Со второй попытки дым ушёл вверх.

Иврей торжественно заявил:

— Теперь хорошо.

— Рада получить одобрение главного проверяющего.

После кухни они перешли к окнам.

Сайвера закрепила наиболее опасную ставню, а вторую временно подвязала верёвкой. Получилось некрасиво, зато надёжно.

Иврей держал гвозди.

Сначала просто подавал.

Потом начал заранее выбирать нужный размер.

— Этот.

— Почему?

— Предыдущий был такой же.

Сайвера взяла гвоздь.

Подходил.

Через некоторое время обнаружилось ещё одно качество мальчика: он действительно напоминал почти всё, что видел.

— Куда вы положили маленький молоток?

— На стойку.

— Нет, на подоконник в кухне.

Сайвера сходила проверить.

Молоток лежал на подоконнике.

— Неприятный ребёнок.

— Почему?

— Потому что ты прав.

Иврей улыбнулся.

На этот раз уже заметно.

К середине дня общий зал перестал выглядеть совсем заброшенным.

Они очистили четыре стола, поставили уцелевшие скамьи и открыли ставни на двух целых окнах. Солнечный свет впервые за много лет прошёл через мутные стёкла и лёг широкими полосами на деревянный пол.

Пыль всё ещё оставалась в углах.

Половина зала была непригодна.

Вывеска снаружи по-прежнему обещала гостям загадочный «Стар... Пор...».

Но Сайвера остановилась у двери и вдруг почувствовала странное удовлетворение.

Утром здесь была развалина.

Теперь хотя бы часть помещения выглядела так, будто в нём можно жить.

— Нужно название, — сказал Иврей.

— Оно уже есть.

— На вывеске почти нет.

— Тогда починим вывеску.

— А люди поймут, что открыто?

Сайвера задумалась.

Потом нашла кусок старой доски.

Иврей наблюдал, как она выводит углём несколько слов.

«СТАРЫЙ ПОРОГ ОТКРЫТ»

Ниже Сайвера дописала:

«ГОРЯЧАЯ ЕДА. МЕСТО ДЛЯ ЛОШАДИ»

Она вышла и поставила доску возле дороги.

Иврей прочитал.

— Комнаты не написали.

— Потому что я не хочу сегодня обнаружить, что обязана поселить кого-нибудь в комнате со сломанным окном.

— Можно написать, что три комнаты есть.

Сайвера посмотрела на него.

— Ты всерьёз решил сделать из этого место, где работают?

— Вы сами сказали, что откроемся.

— Хорошо. Завтра займёмся комнатами.

— Почему завтра?

— Потому что сегодня мне ещё нужно приготовить еду.

— Я помогу.

— Ты умеешь готовить?

— Нет.

— Очень полезное качество помощника.

— Я могу считать яйца.

— Тогда трактир спасён.

Они вернулись на кухню.

Сайвера поставила вариться густую кашу с луком и корнеплодами, затем замесила простое тесто для лепёшек. Она не считала себя выдающимся поваром, однако семь лет в большом доме не уничтожили навыков, полученных ещё в детстве.

Бабушка считала, что любой человек, претендующий на право распоряжаться хозяйством, должен хотя бы понимать, сколько труда требуется, чтобы накормить десятерых.

Сайвера тогда спорила.

Сейчас мысленно поблагодарила её.

Первый запах горячей еды появился в общем зале ближе к вечеру.

Первые гости — ещё через час.

Сайвера услышала голоса во дворе и сначала решила, что ей показалось.

Потом за окном фыркнула чужая лошадь.

Иврей подскочил к двери.

— Кто-то приехал.

— Вижу.

— Что делать?

В его голосе неожиданно прозвучало волнение.

Сайвера тоже почувствовала его.

Удивительно.

Она могла спокойно спорить перед целым Советом, но появление первых гостей в полуразвалившемся трактире заставило её на секунду забыть, куда девать руки.

— Для начала не смотреть на них так, будто собираемся взять в плен.

Иврей выпрямился.

— Я так смотрю?

— Немного.

— А вы?

— Я хозяйка. Мне можно.

В трактир вошли трое путников в дорожных плащах. Судя по грязи на сапогах и свёрнутым верёвкам у одного на плече, они занимались работой на дороге или в лесу.

Первый мужчина остановился прямо у порога.

— Здесь открыто?

Сайвера посмотрела на табличку, видимую через окно.

— Именно поэтому я написала это снаружи.

Мужчина усмехнулся.

— Мы думали, доска старая.

— Уголь ещё не успел высохнуть.

Он оглядел зал.

— «Старый Порог» лет двадцать точно не работал.

— Тридцать.

— Ещё лучше.

Двое его спутников уже смотрели в сторону кухни.

— Еда правда горячая? — спросил один.

— Если вы не будете слишком долго обсуждать возраст трактира.

Так «Старый Порог» получил первых платных посетителей.

Выбор у них был небольшой: каша, лепёшки и яйца. Никого это не смутило. После дороги горячая еда оказалась важнее разнообразия.

Сайвера приняла заказ.

Иврей стоял возле стойки.

Когда она вернулась на кухню, он пошёл следом.

— Первому две лепёшки, второму три яйца, третьему без лука.

Сайвера остановилась.

— Я записала.

— Вы не записывали.

Она посмотрела на свои руки.

Действительно.

— Откуда знаешь?

— Я слышал.

— И всё запомнил?

— Да.

Сайвера решила проверить.

— А что заказал первый?

— Большую миску каши, две лепёшки и воду.

— Второй?

— Кашу, три яйца и одну лепёшку.

— Третий?

— Кашу без лука, две лепёшки. Он ещё спросил, есть ли мясо, вы сказали, что сегодня нет.

Всё точно.

— Хорошо. Тогда будешь помогать принимать заказы.

Иврей просиял.

— Я работник?

— Испытательный срок продолжается.

Он убежал в зал прежде, чем Сайвера успела добавить что-нибудь ещё.

Первый вечер оказался неожиданно удачным.

После троих путников приехали ещё двое. Они, видимо, увидели лошадей у коновязи и решили проверить, действительно ли старый трактир снова работает.

Еды хватило впритык.

Сайвера дважды замешивала новое тесто.

Иврей носил воду, убирал пустые миски и запоминал заказы с такой серьёзностью, словно от правильного количества лепёшек зависела безопасность всей Северной стаи.

В какой-то момент один из гостей протянул ему монету.

— За то, что не забыл про второе яйцо.

Иврей застыл.

— Мне?

— Тебе.

Мальчик посмотрел на Сайверу.

Она кивнула.

Только после этого он взял монету.

Весь следующий час Иврей время от времени трогал карман, проверяя, не исчезла ли она.

Когда последние посетители ушли, Сайвера закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

В зале стояла непривычная тишина.

На столах остались миски.

На полу — грязные следы.

В кухне — целая гора работы.

Сайвера была настолько уставшей, что с удовольствием легла бы прямо на ближайшую скамью.

И всё же улыбалась.

Иврей стоял за стойкой и пересчитывал выручку.

— Не трогай, — сказала Сайвера. — Я сама.

— Я уже посчитал.

— Сколько?

Он назвал сумму.

Сайвера подошла, пересчитала.

Совпало.

— Ещё раз.

— Зачем?

— Потому что я всегда считаю дважды.

Иврей пересчитал.

Та же сумма.

Сайвера вынула из кошелька несколько утренних монет и положила рядом.

Денег всё ещё было мало.

Очень мало.

На крышу не хватало.

На полноценный ремонт — тем более.

Но утром кучка была меньше.

Сегодня трактир впервые заработал сам.

Пусть немного.

Пусть только на еду и мелкие расходы.

Сайвера провела пальцем по краю стойки.

— Ну вот.

— Что?

— «Старый Порог» снова трактир.

Иврей осмотрел полупустой зал.

— Здесь грязно.

— Завтра уберём.

— Вывеска сломана.

— Починим.

— Комнаты плохие.

— Доведём до ума.

Он задумался.

— Тогда будет хороший.

Сайвера посмотрела на него.

— Уверен?

Иврей кивнул.

— Люди вернулись.

Простая фраза неожиданно задела её сильнее, чем должна была.

Люди вернулись.

Утром это место никому не было нужно.

К вечеру здесь ели, разговаривали, смеялись и оставили первые монеты.

Сайвера ещё вчера считала главным достоинством трактира то, что никто не сможет приказать ей уйти.

Теперь впервые подумала о другом.

Возможно, однажды сюда будут хотеть приходить.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда завтра займёмся комнатами.

Иврей зевнул.

— Я не устал.

— Даже не начинай.

Он послушно отправился наверх.

Сайвера осталась у стойки.

Она собрала грязную посуду, погасила лишний свет и только потом заметила старую книгу гостей под тканью.

Вчера она собиралась изучить её утром.

Утро оказалось слишком занятым.

Сайвера достала книгу и перелистнула несколько страниц.

Запись про найденного мальчика всё ещё была на месте.

«Мальчик найден у западной дороги. Передан дяде через четыре дня».

Она провела пальцем по строке.

После сегодняшней ночи запись уже не выглядела такой обычной.

Сайвера перевернула страницу.

Через несколько листов нашлась похожая.

«Девочка пришла ночью. Родных нашли через шесть дней».

Ещё дальше:

«Двое братьев. Порог открылся перед грозой».

Сайвера замерла.

Прочитала снова.

Порог открылся.

Не дверь.

Но формулировка была слишком странной.

Она быстро перелистнула назад.

Почерк менялся.

Книгу вели разные люди.

Некоторые записи были совсем обычными: торговцы, охотники, семьи, обозы.

И между ними время от времени встречались дети.

Один.

Двое.

Иногда без фамилии.

Иногда с пометкой о том, кому их передали.

Сайвера закрыла книгу.

На кухне потрескивали остывающие кирпичи печи.

Наверху было тихо.

Она посмотрела в сторону лестницы.

Возможно, Иврей оказался не первым ребёнком, которого странным образом привёл в этот дом «Порог».

Но если так, то бабушка знала.

И не только бабушка.

Кто-то вёл эти записи задолго до неё.

Сайвера отнесла книгу в свою комнату и спрятала в сундук.

Не из страха, что её украдут.

Просто впервые почувствовала: некоторые вещи лучше сначала понять самой.

На следующее утро она проснулась до рассвета.

Не потому, что выпалась.

Скорее организм ещё не успел привыкнуть к новой кровати, новому дому и тому, что рядом больше не лежал Торвейн.

Сайвера открыла глаза и несколько секунд слушала ветер.

Потом услышала тихий голос снизу.

— Нет, сюда нельзя.

Она села.

Иврей.

Сайвера быстро накинула платье и вышла.

— Иврей?

Ответа не последовало.

Она спустилась.

Мальчик стоял возле входной двери.

Напротив него, по другую сторону оконного стекла, темнел силуэт всадника.

Не одного.

Во дворе было несколько лошадей.

Сайвера подошла ближе.

Рассвет только начинался, но человека на крыльце она узнала ещё до того, как тот поднял руку и постучал.

Торвейн.

Конечно.

Потому что жизнь явно решила проверить, насколько много неприятных разговоров можно уместить в двое суток.

— Почему не открываешь? — спросила она.

Иврей повернулся.

— Он Альфа.

Сайвера нахмурилась.

— Ты его знаешь?

— Все знают.

Это, пожалуй, было справедливо.

Портреты Торвейна висели в нескольких административных домах, а его серебряный знак невозможно было спутать.

Сайвера отодвинула засов.

Иврей мгновенно отступил за её спину.

Она заметила движение, но ничего не сказала.

Дверь открылась.

Торвейн стоял на крыльце в дорожном плаще. За ним виднелись двое всадников, оставшихся у ворот.

Он явно не спал.

Под глазами залегли тени, волосы были собраны кое-как, сапоги покрывала дорожная грязь.

Сайвера опёрлась плечом о косяк.

— Если ты приехал проверить, пережила ли я первую ночь, то немного опоздал.

Торвейн посмотрел на неё.

Потом на чистую часть зала.

На столы.

На едва тлеющий очаг.

На табличку «Открыто», которую Сайвера вечером забрала внутрь.

— Ты уже принимаешь гостей?

— Доброе утро тебе тоже.

— Сайвера.

— Торвейн.

Он сжал губы.

Раньше подобные разговоры обычно заканчивались тем, что кто-то из них первым начал смеяться.

Теперь никто не собирался.

— Я не для этого приехал.
Сайвера заметила, как его взгляд переместился ей за плечо.
И остановился.
Торвейн замер.
Сайвера оглянулась.
Иврей стоял возле стойки.
Очень прямо.
Слишком прямо для ребёнка.
— Кто это? — спросил Торвейн.
— Иврей.
— Я слышал имя.
— Тогда зачем спрашиваешь?
Он не оценил.
— Откуда он взялся?
Сайвера вспомнила книгу в своём сундуке.
Тринадцатую дверь.
Лес.
Комнату, которой не должно существовать.
— Это долгая история.
— Я никуда не тороплюсь.
— А я тороплюсь. Мне нужно готовить завтрак.
Торвейн шагнул через порог.
Иврей сразу отступил.
Сайвера заметила.
Торвейн тоже.
Его выражение изменилось.
— Иврей, — сказал он уже совсем другим голосом. — Я тебя не трону.
Мальчик не ответил.
— Ты искал его? — спросила Сайвера.
Торвейн посмотрел на неё.
— С ночи.
Теперь шутить расхотелось.
— Почему?
— Один из пограничных людей сообщил о пропавшем ребёнке. Его видели возле старой башни на северо-восточном объезде. Следы дошли до леса и оборвались у большого дерева.
Сайвера медленно выпрямилась.
Те же места.
— Пустого внутри? — спросила она.
Торвейн нахмурился.
— Откуда ты знаешь?
Сайвера не ответила.
Он перевёл взгляд на Иврея.
— Ты был там?
Мальчик молчал.
Торвейн сделал шаг вперёд.
Иврей отступил ещё дальше.
— Не подходи, — сказала Сайвера.
Торвейн остановился.
Посмотрел на неё.

— Я просто хочу поговорить.

— Тогда говори оттуда.

Несколько секунд они молча мерились взглядами.

Первым отвернулся Торвейн.

Не потому, что уступил ей как Альфа.

Просто увидел ребёнка.

— Хорошо.

Он снял перчатки и положил их на край ближайшего стола.

— Иврей, кто сказал тебе уйти из дома?

Мальчик посмотрел на Сайверу.

Она ничего не подсказала.

Решение должно было быть его.

— Управляющий, — тихо ответил Иврей.

— Как его зовут?

— Не скажу.

Торвейн слегка поднял брови.

— Почему?

— Вы его знаете.

— Возможно.

— Значит, скажете ему, где я.

— Если он выгнал ребёнка ночью в лес, разговор у нас с ним будет не такой, как ты думаешь.

Иврей недоверчиво посмотрел на Альфу.

— Вы всё равно взрослые.

Сайвера почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

Торвейн тоже услышал больше, чем было сказано.

Он опустился на ближайшую скамью.

Теперь его лицо оказалось почти на уровне Иврея.

— Это правда.

Мальчик явно не ожидал согласия.

— Но иногда взрослые тоже бывают неправы, — продолжил Торвейн.

Сайвера едва заметно повернула голову.

Удивительно подходящая фраза для человека, с которым она развелась позавчера.

Торвейн почувствовал её взгляд, но не посмотрел в ответ.

— Я не увезу тебя отсюда силой, — сказал он Иврею. — Сначала хочу понять, что произошло.

Мальчик осторожно вышел из-за стойки.

— Правда?

— Правда.

— Даже если у них есть бумага?

На этот раз Торвейн посмотрел на Сайверу.

Она скрестила руки.

— Да, — ответил он после короткой паузы. — Даже если есть бумага.

Иврей немного расслабился.

Сайвера заметила, что рукав новой рубахи закатался, когда мальчик держался за край стойки.

Серебристая отметина на запястье стала полностью видна.

Торвейн тоже её увидел.

И перестал говорить.

Изменение оказалось мгновенным.

Сайвера слишком хорошо знала бывшего мужа, чтобы не заметить.

Ещё секунду назад перед ней был уставший человек, который всю ночь искал пропавшего ребёнка.

Теперь перед ней снова стоял Альфа.

Не жестокий.

Не сердитый.

Собранный.

— Покажи руку, — сказал он.

Иврей тут же спрятал её за спину.

— Торвейн.

— Я ничего ему не сделаю.

— Тогда объясни, зачем тебе его рука.

Торвейн смотрел только на мальчика.

— Иврей, этот знак у тебя с рождения?

Мальчик нахмурился.

— Да.

— У кого-нибудь из твоих родственников он такой же?

Иврей не ответил.

Торвейн медленно поднялся.

Сайвера шагнула между ними.

— Что ты увидел?

Наконец он посмотрел на неё.

— Ты не знаешь этот знак?

— Если бы знала, не спрашивала бы.

Торвейн снова взглянул на мальчика.

— Он принадлежит роду Вейрн.

Название ничего Сайвере не сказало.

Она перебирала в памяти десятки семей, с которыми работала последние годы.

Нет.

Такой фамилии среди северных родов не было.

— Я никогда о них не слышала.

— И не могла.

Торвейн говорил медленно, словно сам проверял каждое слово.

— Почему?

— Потому что в официальном реестре род Вейрн прекратил существование двадцать лет назад.

Сайвера посмотрела на Иврея.

Девятилетний мальчик стоял возле стойки её трактира, живой, испуганный и очень реальный.

Ему было девять.

А его семья, если верить бумагам Северной стаи, исчезла за одиннадцать лет до его рождения.

Иврей нахмурился.

— Мы не исчезли.

Торвейн не сводил глаз с серебристого знака на его запястье.

— Вот это, — тихо сказал он, — нам и предстоит выяснить.

Глава 3. Право Порога

— Выяснять можно по-разному, — сказала Сайвера. — Поэтому сначала объясни, что именно означает «род прекратил существование».

Торвейн не ответил сразу. Его взгляд всё ещё был прикован к запястью Иврея, но мальчик уже одёрнул рукав и спрятал серебристый знак под тканью. За последние минуты он снова стал настороженным: подбородок чуть поднялся, плечи напряглись, а серые глаза следили за Альфой так, будто любое неосторожное движение могло подтвердить все его худшие ожидания.

Сайвера знала это выражение.

Вчера Иврей так же смотрел на Тринадцатую дверь.

Торвейн наконец перевёл взгляд на неё.

— Ровно то, что я сказал. Согласно Центральной родовой книге, у Вейрнов нет живых представителей.

— С какого года?

— Я не помню точную дату.

— Но двадцать лет помнишь.

— Потому что дело рассматривалось ещё при моём отце. Мне было шестнадцать, и я впервые присутствовал на Совете, где зачитывали список угасших родов. Вейрны были среди них.

Сайвера быстро посчитала.

— Если ты присутствовал при объявлении, значит, запись не просто обнаружили позже. Род официально признали прекратившимся.

— Да.

— На каком основании?

Торвейн нахмурился.

— Я сказал, мне было шестнадцать.

— Ты уже тогда наверняка слушал лучше половины Совета.

— Это сомнительный комплимент.

— Это не комплимент. Я пытаюсь понять, что произошло.

Он провёл ладонью по подбородку.

— Насколько помню, последние взрослые представители рода погибли в какой-то приграничной стычке. Наследников не осталось.

Иврей резко вскинул голову.

— Неправда.

Торвейн посмотрел на него.

— Я пересказываю то, что было записано.

— Тогда записали неправильно.

Мальчик произнёс это без колебаний, и Сайвера невольно отметила разницу между ними. О бумагах Торвейн говорил как о фак

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.